Check for updates

Личность в процессах обучения и воспитания

УДК 159.9

EDN EGMFLV
https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58

Научная статья

Дети как агенты психологического благополучия взрослых

К. В. Карпинский ✉[1, 2]

[1] Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 230023, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22
[2] Мамун университет, 220900, Узбекистан, г. Хива, ул. Болхавуз, д. 2

Для цитирования: Карпинский, К. В. (2025) Дети как агенты психологического благополучия взрослых. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 40–58. https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58 EDN EGMFLV

Получена 27 декабря 2024; прошла рецензирование 23 января 2025; принята 23 января 2025.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект Г23УЗБ-053

Права: © К. В. Карпинский (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Представлены результаты теоретико-эмпирического анализа места и роли ребенка в контексте индивидуальной жизнедеятельности, личностного развития и функционирования, а также психологического благополучия взрослого. Формой психического отражения объективных детерминационных связей, в которых ребенок находится к процессу и результатам реализации личностных интенций взрослого, выступает личностный смысл ребенка для взрослого. Основываясь на том, что психологическое благополучие-неблагополучие производно от прогресса практической реализации личностно значимых интенций, этот личностный смысл рассматривается как субъективный индикатор воздействия ребенка на благополучие взрослого.

Материалы и методы. Общая гипотеза о взаимосвязи личностного смысла ребенка с психологическим благополучием взрослого тестировалась в цикле эмпирических исследований, охвативших родительскую (взрослые люди, воспитывающие ребенка/детей, N = 1965), клиническую (пациенты репродуктологического профиля с диагностированным бесплодием, N = 165) и профессиональную (специалисты педономического труда, N = 240) выборки. Диагностика личностного смысла ребенка осуществлялась методиками «Шкала ценностного отношения к детям» и «Смыслометрический психобиографический анализ». Психологическое благополучие взрослых, выполняющих родительские функции, оценивалось «Шкалой удовлетворенности жизнью», «Шкалой субъективного счастья», «Кратким опросником смысложизненного кризиса», «Шкалой позитивного и негативного аффекта», «Шкалой родительского стресса», «Опросником родительского выгорания», «Опросником родительского самоотношения», методикой «Диагностика переживаний в деятельности». Психологическое благополучие взрослых, проходящих лечение от бесплодия, определялось на основе «Шкалы совладания с бесплодием». Психологическое благополучие работников педономического труда измерялось посредством «Шкалы удовлетворенности карьерой», «Опросника переживаний в профессиональной деятельности», «Утрехтской шкалы увлеченности работой».

Результаты. Полученные данные свидетельствуют, что личностный смысл ребенка для взрослого является валидным эмпирическим маркером силы и направленности влияния первого на психологическое благополучие второго. Психологические типы личностного смысла ребенка высвечивают особенные функции, которые он выполняет в контексте индивидуальной жизнедеятельности и психологического благополучия взрослого. Позитивный смысл сигнализирует о том, что ребенок в жизни взрослого выступает условием психологического благополучия, тогда как негативный смысл указывает на то, что ребенок обусловливает психологическое неблагополучие взрослого на глобальном и доменном уровнях, в частности, в сферах репродукции, родительства и профессиональной педономической деятельности.

Заключение. Результаты исследования позволяют заключить, что дети являются активными со-субъектами жизни и влиятельными агентами психологического благополучия взрослых.

Ключевые слова: психологическое благополучие, гедония, эвдемония, экзистенция, личностный смысл ребенка, терминальный смысл ребенка, прагматический смысл ребенка, ценностное отношение к детям

Research article

Children as agents of adults' psychological well-being

K. V. Karpinski ✉[1, 2]

[1] Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus
[2] Mamun University, 2 Bolhovuz Str., Khiva 220900, Uzbekistan

For citation: Karpinski, K. V. (2025) Children as agents of adults' psychological well-being. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 40–58. https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58 EDN EGMFLV

Received 27 December 2024; reviewed 23 January 2025; accepted 23 January 2025.

Funding: The study was carried out with financial support of The Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, project Г23УЗБ-053.

Copyright: © K. V. Karpinski (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The article presents the results of theoretical and empirical analysis of the role and significance of children in the context of individual life, personal development, and adults' psychological well-being. It argues that children exert an influence on daily lives and well-being of adults, both as an objective life circumstance and as active co-agents in the life process.

Materials and Methods. The hypothesis concerning the relationship between the personal meaning of a child and the psychological well-being of an adult was tested through empirical studies. The studies involved three participant groups: parents (N = 1965), infertility patients (N = 165), and pedagogical professionals (N = 240). The personal meaning of a child was assessed using the Value of Children Scale and the Semantic Psychobiographic Analysis. The psychological well-being of adults performing parental functions was measured using a variety of scales, including the Life Satisfaction Scale, the Subjective Happiness Scale, the Concise Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, the Positive and Negative Affect Scale, the Parental Stress Scale, the Parental Burnout Questionnaire, the Parental Self-Attitude Questionnaire, and the Diagnosis of Activity Experiences. For infertility patients, the Infertility Management Scale was used, while the psychological well-being of pedagogical professionals was measured using the Satisfaction with Career Scale, the Experiences in Vocational Activity Questionnaire, and the Utrecht Work Engagement Scale.

Results. The personal meaning of a child for an adult serves as a valid empirical marker of the strength and direction of its impact on psychological well-being. Distinct psychological types of personal meaning highlight the specific roles children play in the lives of adults. A positive meaning indicates that a child is a condition for adult psychological well-being, while a negative meaning reflects that a child contributes to psychological distress in areas such as reproduction, parenthood, and professional pedagogical work.

Conclusions. The findings suggest that children are active co-subjects of life and significant agents in the psychological well-being of adults.

Keywords: psychological well-being, hedonia, eudaimonia, existence, personal meaning of a child, terminal meaning of a child, pragmatic meaning of a child, value of children

Онтология взрослой жизни как со-бытия с детьми

Дети неизбежно сопровождают взрослых в разные периоды и в разных сферах жизни. Несмотря на то что онтология взрослой жизни — это онтология совместного бытия (со-бытия) не только с другими взрослыми, но и с детьми, психологические эффекты, механизмы и закономерности влияния детей на жизнедеятельность взрослых еще относительно слабо изучены современной психологией. В психологии, педагогике и многих других науках, изучающих взаимоотношения взрослых и детей, прослеживается тенденция переоценивать роль взрослого в психологической судьбе ребенка и недооценивать воздействие ребенка на психическое развитие и функционирование, здоровье и благополучие взрослого.

Эта научная тенденция уходит корнями в социальные представления, стереотипы, установки обыденного сознания и в повседневные практики социального взаимодействия, которые фиксируют и воспроизводят неравенство статусов взрослого и ребенка в контексте межвозрастных отношений (Карпинский 2023; Микляева 2014). Если обратиться к результатам социально-психологических исследований межличностной значимости (субъективной значимости человека для человека), то окажется, что

для детей значимыми и сверхзначимыми другими являются взрослые, тогда как для взрослых значимыми персонами выступают преимущественно их сверстники и более старшие люди, а дети, как правило, не относятся к значимым фигурам (за исключением выросших, повзрослевших детей) (Кондратьев 2011; Кроник, Кроник 1989; Blyth et al. 1982; Buhl 2009; Garbarino et al. 1978).

Естественная причина такого положения дел — ведущая и доминирующая роль взрослых во многих видах, формах и сферах взаимодействия с детьми. Между тем объективно существующая и неизбежная «асимметрия» интеракций «взрослый — ребенок» не должна вести к игнорированию или приуменьшению вкладов и влияний детей на жизнедеятельность взрослых. Ребенок может занимать разные позиции, играть разные роли, выполнять разные функции, но в любом случае он выступает не пассивным фоном, а действующим агентом в жизни взрослого.

Употребляя применительно к ребенку слово «агент», мы присоединяемся к междисциплинарной теоретической перспективе. Согласно ей, дети в разнообразных жизненных отношениях со взрослыми рассматриваются в качестве инициативных деятелей и активных продуцентов собственного развития, а не только лишь пассивных реципиентов и контролируемых подопечных (Green, Nixon 2020; Lerner 1982; Levison et al. 2021). В меру своих возрастных (биологических, социальных и психологических) возможностей они выступают субъектами собственного жизненного мира и жизненного пути, конструируя его в том же пространстве и времени, в котором развертывается жизнедеятельность взрослых, и утверждают собственные детские потребности, мотивы и ценности, которые довольно часто не совпадают и рассогласуются с интересами взрослых. В силу свойственной детям имманентной активности, они становятся агентами в контексте жизнедеятельности взрослых, воздействуют на нее различными способами.

Ребенок оказывает влияние на жизнедеятельность взрослого двояко. Во-первых, объективным фактом своего появления и присутствия он заставляет взрослого считаться с ним как с предметным жизненным обстоятельством (в этом случае слово «агент» применимо к ребенку как к любому другому, неодушевленному или одушевленному, «действующему фактору»). Во-вторых, по мере физического, социального и психического созревания ребенок превращается в самостоятельного субъекта, который собственными решениями и действиями активно вмешивается в жизнедеятельность взрослого, а значит, выступает для него жизненным партнером и со-субъектом жизни (в данном случае слово «агент» применимо к ребенку как «действующему лицу»). Как бы то ни было — и в качестве предметного обстоятельства, и в качестве активного субъекта — ребенок «агентивен» в отношении жизнедеятельности взрослого, т. е. существенно детерминирует ее процесс и результаты.

В современной психологии одно из направлений исследования места и роли ребенка в жизнедеятельности взрослого — анализ зависимости психологического благополучия взрослого от его родительского статуса и числа рожденных и воспитываемых детей. Это межотраслевое научное направление сформировалось на стыке психологии репродукции, психологии родительства, психологии всевозрастного развития и позитивной психологии. Оно возникло более 40 лет назад и по сей день не теряет своей актуальности. Во многом это обусловлено тем, что за многие десятилетия исследований ученым так и не удалось достичь консенсуса в понимании психологической феноменологии, механизмов и закономерностей влияния детей и родительской роли на различные компоненты (когнитивные, аффективные, мотивационные), уровни (субдоменные, доменные и глобальный) и виды (гедонистическое, эвдемоническое, экзистенциальное) психологического благополучия взрослых. Результаты отдельных теоретико-эмпирических исследований, а также систематических и метааналитических обзоров позволяют выделить очень немногочисленные генеральные закономерности. В большинстве случаев выявляются многовариантные, разнонаправленные и разнопорядковые эффекты влияния детей на психологическое благополучие взрослых (Gupta 2022; McLanahan, Adams 1989; Nelson et al. 2014; Nelson-Coffey, Stewart 2019; Nomaguchi, Milkie 2020; Umberson et al. 2010).

Критическая оценка методологии, теории, методики и результатов исследований в данной предметной области свидетельствует о том, что противоречивость эмпирических фактов и непоследовательность их теоретического объяснения вызваны недоучетом ключевого фактора, опосредующего (в качестве переменной-медиатора и переменной-модератора) влияние детей и родительского статуса взрослого на его психологическое благополучие. Таким принципиальным фактором, образующим центральное (связующее и передаточное) структурно-функциональное звено в психологическом механиз-

 https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58

ме влияния детей на развитие, функционирование, благополучие и здоровье взрослых, служит личностный смысл ребенка (Карпинский 2024a; 2024b).

Психологическое благополучие взрослого: гедония, эвдемония, экзистенция

Чтобы прояснить взаимосвязь личностного смысла ребенка и психологического благополучия взрослого, необходимо ясно понимать природу и сущность, механизмы и закономерности самого благополучия. В самом общем понимании психологическое благополучие (well-being, flourishing, mental health) — это состояние, которое характеризуется позитивным самочувствием, оптимальным функционированием и прогрессивным развитием человека. Если обобщить представления, сложившиеся в различных научных подходах, концепциях и моделях, то *психологическое благополучие — это интегральное, длящееся и динамическое психическое состояние, которое возникает при условии удовлетворенности (или, по меньшей мере, потенциальной удовлетворимости) индивидуальных потребностей, реализованности (или, по крайней мере, потенциальной реализуемости) личностных ценностей, решенности (или, как минимум, потенциальной разрешимости) экзистенциальных дилемм человека*.

Интегральность как признак психологического благополучия означает, что его субъективная феноменология интегрирует широкий круг психических явлений когнитивной, аффективной и мотивационной природы, а также их поведенческих проявлений. Этот признак также означает, что в благополучии конвергируют разноуровневые и разнопорядковые психические явления, зарождающиеся и функционирующие в контексте различных сфер жизнедеятельности (профессиональной, брачно-семейной, досугово-рекреационной и т. д.) и многих частных видов деятельности человека. В конечном счете, психологическое благополучие является сложносоставным, разномодальным и многоуровневым феноменом.

Несмотря на собирательно-интегративный характер понятия «психологическое благополучие», в настоящее время его содержание и объем достаточно точно очерчены. В частности, достигнута высокая согласованность различных дефиниций в вопросе о составе и структуре психических явлений и поведенческих проявлений, которые выступают индикаторами благополучия (well-being) и неблагополучия (ill-being). Различные теории расходятся в составе конкретных компонентов («индикаторов», «ингредиентов», «маркеров») психологического благополучия, но едины в том, что это сложносоставной, многомерный феномен (Diener et al. 2018; Huppert, So 2013; Iasiello et al. 2024).

В аспекте постоянства — изменчивости во времени жизни психологическое благополучие относится к классу психических состояний, которые релевантны не дискретным, краткосрочным жизненным ситуациям, а продолжительным отрезкам жизненного пути и длительным периодам развития человека. Стабильность во времени не исключает ситуативных колебаний и сиюминутных флуктуаций данного состояния, но, как показывают результаты исследований, психологическое благополучие колеблется вокруг индивидуально определенного базового уровня, к которому возвращается и на котором стабилизируется после тех или иных отклонений. Эту особенность специально акцентируют две теории — set-point theory , или концепция базового уровня счастья (Fujita, Diener 2005) и dynamic equilibrium theory , или концепция динамического равновесия (Headey, Wearing 1989).

Динамичность психологического благополучия является следствием того, что данное состояние отражает непрерывную динамику реальных жизненных отношений человека с действительностью, а именно изменчивую меру соответствия его внутренних необходимостей (потребностей и ценностей) объективным возможностям и способностям их осуществления. Общая для всех научно-психологических подходов идея состоит в том, что благополучие обусловлено прогрессом (успехом) реализации личностно значимых интенций (побуждений и стремлений) человека, в то время как неблагополучие есть следствие их нереализованности или нереализуемости, т. е. невозможности или неспособности их реализовать (Карпинский 2016; Леонтьев, Сучков 2015; Klug, Maier 2015; Ng et al. 2012). Например, Э. Деси и Р. Райан по этому поводу отмечают следующее: «Удовлетворение потребностей приводит к психологическому благополучию, тогда как неудовлетворенность связана с дефицитом благополучия» (Deci, Ryan 2000, 233). С этой точки зрения, психологическое благополучие в целом и отдельные его проявления выступают как побочные «продукты» и непреднамеренные следствия успешного осуществления каких-либо внутренних необходимостей и личностно значимых интенций человека во взаимодействии с окружающим миром.

Ввиду полимотивации (разнородности движущих интенций) индивидуальной жизнедеятельности человека его психологическое благополучие — неблагополучие также приобретает внутреннюю неоднородность. Целесообразно выделять, как минимум, три вида психологического благополучия: гедонистическое, эвдемоническое и экзистенциальное, — а за критерий их различения принять разнокачественные источники человеческой мотивации. При таком подходе гедонистическое благополучие — это состояние, отражающее степень удовлетворенности или принципиальной удовлетворимости индивидуальных потребностей; эвдемоническое благополучие — это состояние, сигнализирующее о степени реализованности или принципиальной реализуемости личностных ценностей; экзистенциальное благополучие — это состояние, извещающее о степени решенности или принципиальной решаемости экзистенциальных дилемм человека. В данном случае индивидуальные потребности, личностные ценности и экзистенциальные дилеммы служат разнородными основаниями для качественно различных видов психологического благополучия — гедонии, эвдемонии и экзистенции.

Из сказанного следует, что для описания феноменологии, объяснения механизмов и закономерностей влияния детей на психологическое благополучие взрослых необходимо раскрыть объективную зависимость от ребенка потребностей, ценностей, мотивов, целей, задач и других личностно значимых интенций взрослого. Эта зависимость и есть то объективное отношение, которое субъективно отражается в личностном смысле ребенка для взрослого. Личностный смысл в этой связи оказывается ключом к пониманию тех эффектов, которые ребенок оказывает на психологическое благополучие взрослого.

Личностный смысл ребенка: сущность и понятие

Поставленная научно-практическая проблема получила систематическую теоретическую, психометрическую и эмпирическую проработку в концепции личностного смысла ребенка (Карпинский 2023). Эта концепция позволяет устранить некоторые пробелы и разрешить ряд противоречий в научных представлениях о месте и роли детей в психическом развитии и функционировании взрослых, в том числе в представлениях об их влиянии на психологическое благополучие.

С позиций названной концепции личностный смысл ребенка, как и всякое личностно-смысловое образование человеческой психики, выполняет специфические функции: отражательную и регуляторную. В аспекте первой функции личностный смысл выступает как психическое отражение объективного места и роли ребенка в контексте жизнедеятельности взрослого, а точнее — объективных отношений, в которых ребенок находится в процессе и результате реализации личностно значимых интенций взрослого. В аспекте второй функции личностный смысл выступает психическим регулятором общения, познавательного и практического взаимодействия взрослого с ребенком. Конкретно он обеспечивает мотивационно-смысловую регуляцию всевозможных видов активности взрослого: познавательной (например, социальной перцепции ребенка), коммуникативной (например, формально-делового и межличностного общения с ребенком) и предметно-практической (например, бытовой уход, обучение и лечение ребенка) — в самых разных сферах и ситуациях жизни, в которых взрослый сталкивается с детьми.

Личностный смысл ребенка — это, прежде всего, субъективное понимание и переживание объективных детерминационных (причинно-следственных и целесредственных) отношений между реализацией личностно значимых интенций взрослого и ребенком как актуальным (уже фактически существующим) или потенциальным (еще только планируемым и прогнозируемым) жизненным обстоятельством. Личностный смысл в субъективно превращенной форме отражает объективное место и роль ребенка в контексте индивидуальной жизнедеятельности взрослого. Другими словами, объективное значение ребенка заключается в удовлетворении потребностей, воплощении ценностей, осуществлении мотивов, достижении целей и решении задач взрослого. Тем самым взрослый фиксирует функциональную значимость ребенка как объективного жизненного обстоятельства, от которого зависит процесс и результаты, ход и исход жизнедеятельности взрослого. Объективным основанием для личностного смысла служит жизненное отношение между взрослым как субъектом жизни и ребенком как условием жизни. Сущность данного отношения заключается в том, что ребенок своим пассивным присутствием и/или активной деятельностью значительно обусловливает продуктивность (успешность) реализации жизненного замысла взрослого (смысл жизни, а также производные от него жизненные цели, планы

 https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58

и программы). В связи с этим личностный смысл выступает как «содержание» субъективного (пристрастно-оценочного) отношения к ребенку или внутренней (личностной) позиции взрослого в отношении ребенка.

Личностный смысл также можно определить как *индивидуализированное и контекстуализированное значение ребенка для взрослого*. Любой личностный смысл характеризуется тремя атрибутивными признаками: *предметностью* (это всегда смысл чего-то, т. е. определенного объекта), *субъектностью* (это всегда смысл для кого-то, т. е. для определенного субъекта) и *контекстуальностью* (это всегда смысл в определенном контексте, т. е. в конкретных пространственно-временных условиях взаимодействия субъекта с объектом). Своеобразие объекта, субъекта и контекста смыслообразования детерминирует психологическую сущность личностного смысла как индивидуализированного и контекстуализированного значения.

В случае осмысления взрослым ребенка психологическая характеристика личностного смысла определяется несколькими факторами. Во-первых, индивидуальность взрослого, присущие ему личностные побуждения и стремления (потребности, ценности, мотивы, цели и задачи) служат источниками смыслообразования. Во-вторых, характеристика личностного смысла определяется уникальностью ребенка, в первую очередь, совокупностью свойственных ему физических, социальных и психологических особенностей. В-третьих, важную роль играет неповторимость жизненного контекста, в котором развертывается взаимодействие взрослого с ребенком, в том числе совершается акт смыслообразования. Личностный смысл ребенка формируется как его персонализированное значение для взрослого, которое существенно индивидуализировано (с учетом индивидуальных особенностей ребенка как объекта и взрослого как субъекта осмысления) и контекстуализировано (с учетом неповторимой жизненной ситуации, в которой «встречаются» взрослый и ребенок). В итоге, в личностном смысле в субъективно преломленном и превращенном виде запечатлены существенные особенности взрослого как субъекта жизни, ребенка как жизненного обстоятельства и жизненной ситуации как комплекса разноуровневых (макро- и микро-) условий, в котором протекает реальное или идеаторное взаимодействие «взрослый — ребенок».

Личностный смысл регулирует межличностное познание, общение и обращение взрослого с ребенком во всех жизненных доменах и ситуациях, где ребенок представляет важный элемент структуры или значимое условие деятельности взрослого. Дети могут занимать различное место в структуре и контексте взрослой деятельности: совпадать с ее мотивом, составлять конечный предмет и основной результат, служить промежуточной целью или задачей, использоваться в качестве вспомогательного средства или способа, фигурировать в качестве внешнего сопутствующего (благоприятного или неблагоприятного) условия, а также быть со-субъектом деятельности взрослого. Объективная включенность ребенка во внутреннюю структуру и/или его причастность как внешнего условия к процессу и результату деятельности взрослого приводит к тому, что к психической регуляции данной деятельности подключается личностный смысл ребенка. При этом важно учитывать, что личностный смысл ребенка является феноменом смысловой природы, который отвечает за мотивационную (побудительную) регуляцию. В зависимости от своих психологических свойств — топологии, интенсивности и модальности — личностный смысл ребенка способен обеспечивать внутреннюю или внешнюю мотивацию, а также амотивацию либо демотивацию деятельности взрослого. Сообразно личностному смыслу ребенка формируется сила побуждения (в зависимости от топологических и интенсивностных свойств этого смысла) и вектор направленности (в зависимости от модальностных свойств этого смысла) данной деятельности.

Существуют особые виды поведения и деятельности взрослых, в которых дети являются непосредственным объектом и/или основным продуктом деятельности, а цель заключается в их рождении и социализации (обучении и воспитании), а также в лечении, социально-правовой защите, психологической поддержке и создании прочих условий для их полноценного и всестороннего развития. К видам произвольной активности взрослых, имеющим подобную «детоцентрическую» ориентацию, относятся репродуктивное (прокреационное) и родительское (социализационное) поведение, а также различные профессии и специальности педономического труда (воспитатель, учитель, педиатр, детский психолог и т. д.). В таких доменах взрослой жизни, как репродукция, родительство и педономическая профессия, личностный смысл ребенка для взрослого приобретает наивысшую функциональную значимость. Он выполняет функцию ведущего регулятора (мотиватора / амотиватора / демотиватора) деятельности и, следовательно, служит ключевой детерминантой

психологического благополучия — неблагополучия взрослого. Другими словами, отношение к конкретному ребенку и детям вообще в наибольшей степени обусловливает продуктивность развития и успешность функционирования, психологическое благополучие и здоровье взрослого в качестве субъекта репродукции, родительства и профессиональной педономической деятельности.

Следует подчеркнуть, что регулирующая функция личностного смысла ребенка распространяется не только на специальные виды поведения и деятельности взрослых, непосредственным объектом и главным продуктом которых являются дети. Вполне естественно, что в мотивационной регуляции таких видов поведения и деятельности роль личностного смысла ребенка особенно заметна, так как ребенок, как правило, входит во внутреннюю структуру деятельности, приобретая для взрослого личностный смысл самостоятельной ценности, конечного мотива, промежуточной цели или задачи. Вместе с тем существует необозримо широкий круг деятельностей взрослого, в которых ребенок выступает внешним сопутствующим условием, объективно способствуя (содействуя) или препятствуя (противодействуя) реализации собственных мотивов, целей и задач этих деятельностей. В этом случае личностный смысл ребенка не является узловым фактором мотивации, но его регулирующая функция простирается на каждую такую деятельность в жизни взрослого.

Таким образом, личностный смысл ребенка для взрослого — это, во-первых, специфическая форма психического отражения объективных детерминационных (каузальных и телеологических) связей ребенка как актуального или потенциального жизненного обстоятельства с процессом и результатами реализации личностно значимых интенций (побуждений и стремлений) взрослого; во-вторых, специфическая форма мотивационно-смысловой регуляции межличностного познания, общения и взаимодействия взрослого с ребенком в разных сферах и ситуациях жизнедеятельности, в особенности в русле тех видов поведения и деятельности взрослого, непосредственным объектом которых выступают дети.

Психологическая типология личностного смысла ребенка

Несмотря на то что личностный смысл является индивидуализированным «для-меня-значением», все богатство и многообразие личностных смыслов детей для взрослых поддается упорядочиванию в формах научно-психологических классификаций и типологии. Такой сущностный признак, как индивидуализация, относится преимущественно к содержанию (семантике) личностного смысла, хотя у него имеется ряд формальных психологических свойств (топологических, интенсивностных, модальностных, темпоральных и т. д.). Эти свойства также предполагают широкую индивидуальную изменчивость и межиндивидуальную вариативность личностного смысла, но при этом допускают выделение его типологических инвариантов. Если в содержательном аспекте личностный смысл определенного ребенка для конкретного взрослого всегда единичен (индивидуален), то в аспекте формальных свойств он несет в себе особенные и всеобщие черты смыслового отношения взрослых к детям (типичен).

В разрабатываемой нами психологической концепции в качестве критериев классификации и типологизации личностного смысла ребенка для взрослого приняты такие функционально значимые свойства:

— *топологический критерий* — место ребенка в психологической структуре отдельной деятельности / целостной жизнедеятельности взрослого, на основании чего подразделяются *терминальный смысл* (ребенок как конечный мотив деятельности / предельная ценность жизнедеятельности взрослого) и *прагматический смысл* (ребенок как сопутствующее обстоятельство, обусловливающее процессуальную и результативную сторону деятельности / жизнедеятельности взрослого);
— *модальностный критерий* — направленность влияния ребенка на отдельную деятельность / целостную жизнедеятельность взрослого, на основании чего подразделяются *позитивный смысл* (ребенок выступает положительным мотивом / ценностью или обстоятельством, сопутствующим успеху деятельности / жизнедеятельности взрослого) и *негативный смысл* (ребенок выступает отрицательным мотивом / антиценностью или обстоятельством, сопутствующим неуспеху деятельности / жизнедеятельности взрослого).

На пересечении топологического и модальностного критериев дифференцируются четыре психологических типа личностного смысла ребенка для взрослого: 1) позитивный терминальный (*ценностный*) смысл; 2) позитивный прагматический (*инструментальный*) смысл; 3) негативный прагматический (*преградный*)

 https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58

смысл; 4) негативный терминальный (*антиценностный*) смысл (Карпинский 2023).

Выделенные типы личностного смысла существенно различаются в функциональном аспекте, т. е. при разных типах осмысления ребенок не только занимает различное место в структуре индивидуальной жизнедеятельности, но и выполняет разнотипные функции в личностном развитии и функционировании взрослого. Каждый психологический тип личностного смысла отражает особое место ребенка в жизнедеятельности взрослого, а, значит, и специфические функции, которые он выполняет в отношении его психологического благополучия. Тем самым личностный смысл — это понимание и переживание субъективной значимости («значения для меня»), которое определяется объективной функциональной значимостью ребенка в жизнедеятельности взрослого.

Полифункциональность ребенка в жизнедеятельности взрослого

Ребенок в контексте жизнедеятельности взрослого — это многофункциональное жизненное обстоятельство. Психологический тип личностного смысла ребенка сигнализирует о выполняемых им разнотипных функциях в процессах личностного развития и функционирования взрослого как субъекта отдельных видов деятельности и субъекта жизни в целом.

Позитивный терминальный смысл указывает на то, что ребенок выступает в качестве высшей личностной ценности, венчающей мотивационную иерархию взрослого. Ввиду приобретения такого смысла на ребенка «ложатся» специфические функции, выполняемые личностными ценностями в человеческой деятельности и жизнедеятельности. К уникальным функциям ценностной регуляции, которые «принимает» на себя ребенок в жизнедеятельности взрослого, относятся:

- *смыслообразующая функция* (ребенок и родительство как источники смысла и осмысленности жизни);
- *субординационная функция* (ребенок как ведущий жизненный ориентир, ключевой ценностный приоритет и главный смысловой аргумент в процессах жизненного выбора и принятия жизненных решений);
- *развивающая функция* (деторождение и родительство как генеральные задачи личностного развития);
- *идентификационная функция* (ребенок и родительство как «идентификаторы» взрослости и зрелости — основания социальной и личностной идентичности, а также личностной автономии);
- *гедонистическая функция* (ребенок и родительство как «генераторы» позитивного аффекта, субъективные стандарты «хорошей жизни», основания удовлетворенности жизнью и счастья);
- *эвдемоническая функция* (ребенок и родительство как субъективные критерии жизненной продуктивности, самореализации и жизненного успеха, источники жизненных притязаний, предпосылки самоуважения и самоэффективности);
- *функции персонализации* и *самотрансценденции* (ребенок и родительство как условия личностного «инобытия», символического бессмертия и совладания с танатической тревогой).

Совершенно очевидно, что при таком типе личностного смысла ребенок оказывает комплексное воздействие не только на гедонистическое и эвдемоническое, но и на экзистенциальное благополучие взрослого (избавляя его от бессмысленности, несвободы, одиночества, страха смерти). Также следует отметить, что в данном случае индивидуальный смысл жизни опредмечивается в ребенке и ассоциируется с ним, поэтому на последнего дополнительно переходит целый комплекс эксклюзивных функций, присущих смыслу жизни как регулятору индивидуальной жизнедеятельности и личностного развития взрослого. Многие функции смысложизненной регуляции, в частности, *защитная (антистрессорная)*, *эмансипирующая (волевая)*, *оценочная* и т. д., обеспечивают существенные преимущества для гедонистического, эвдемонического и экзистенциального благополучия взрослого (Карпинский 2019).

Позитивный прагматический смысл свидетельствует о том, что ребенок выполняет важные *инструментальные и ресурсные функции* в жизнедеятельности взрослого: он выступает как условие, способствующее полноценному удовлетворению некоторых потребностей и продуктивной реализации определенных ценностей взрослого. Однако данная функция ребенка не ограничивается «технической» ролью инструмента, средства или способа осуществления личностно значимых побуждений и стремлений взрослого. С определенного возраста ребенок фигурирует в жизнедеятельности взрослого в качестве уже не столько пассивного условия, сколько активного со-субъекта (партнера, помощника, соратника и т. д.), который собственными решениями и поступками оказывает разностороннюю социальную

поддержку взрослому, чем содействует его жизненному успеху и процветанию.

Негативный прагматический смысл говорит о том, что ребенок в жизнедеятельности взрослого выполняет *преградные и барьерные функции*. Это значит, что уже самим фактом своего существования он осложняет и затрудняет процессы удовлетворения индивидуальных потребностей и воплощения личностных ценностей взрослого. По мере становления индивидуальной субъектности ребенок приобретает способность не просто «вещно» препятствовать, но и «агентивно» противодействовать взрослому в ситуациях взаимодействия, где наличествует противоречие их потребностей и конфликт их ценностей. Тем самым в качестве пассивного жизненного обстоятельства и/или активного субъекта собственной жизни ребенок становится помехой для адаптации и самореализации взрослого, чем снижает его гедонистическое, эвдемоническое и экзистенциальное благополучие.

Наконец, *негативный терминальный смысл* означает, что ребенок является жизненным обстоятельством, принципиально несовместимым с удовлетворением базовых потребностей и реализацией высших ценностей взрослого. В этом случае наличие или появление детей создает критическую или даже экстремальную жизненную ситуацию — ситуацию невозможности нормальной жизни, которая предполагает полноценное удовлетворение потребностей, интенсивное саморазвитие и продуктивную реализацию ценностей. При таком типе личностного смысла ребенок представляет антиценность для взрослого — доминирующий отрицательный мотив, побуждающий избегать, сторониться детей и дистанцироваться от всяческих взаимодействий с ними, начиная от их рождения и воспитания и заканчивая выбором профессии, мест проживания и отдыха, круга бытового, делового и личного общения, при котором исключены контакты с детьми. Будучи антиценностью, ребенок выполняет те же самые функции в жизнедеятельности взрослого, как и при ценностном отношении к нему, но делает это по принципу «от противного»: уже не наличие, а отсутствие детей составляет субъективный стандарт «хорошей жизни», критерий жизненного успеха, условие самореализации, кардинальную задачу личностного развития взрослого и т. д.

Резюмируя, можно утверждать, что разные типы личностного смысла раскрывают разнонаправленные влияния ребенка на три основных вида психологического благополучия взрослого: гедоническое, эвдемоническое и экзистенциальное. При позитивном терминальном смысле ребенок в силу своей многофункциональности в жизни взрослого оказывает комплексное и преимущественно позитивное воздействие на все виды благополучия. При позитивном прагматическом смысле, помогая удовлетворению потребностей и реализации ценностей взрослого, ребенок благоприятствует гедонии и эвдемонии. При негативном прагматическом смысле ребенок, наоборот, мешает удовлетворению потребностей и реализации ценностей, тем самым угрожает гедонии и эвдемонии взрослого. В случае негативного терминального смысла ребенок оказывается абсолютно лишним обстоятельством, которое, исходя из объективно сложившейся структуры жизнедеятельности, мотивационной иерархии и ценностных приоритетов взрослого, подтачивает сразу все разновидности психологического благополучия.

Необходимо подчеркнуть, что с учетом полимотивации индивидуальной жизнедеятельности — множественности смыслообразующих потребностей, мотивов и ценностей, в реальности имеет место *полиосмысленность* ребенка для конкретного взрослого. Это значит, что взрослый выступает носителем одновременно нескольких типов смыслового отношения, а ребенок в механизмах его психологического благополучия осуществляет разнотипные функции и в целом оказывается *полифункциональным* жизненным обстоятельством. К примеру, он может составлять самодостаточную жизненную ценность (позитивный терминальный смысл) и при этом же выступать инструментом для продвижения одних и преградой для воплощения других жизненных ценностей взрослого (позитивный и негативный прагматический смысл). Взрослые в подавляющем большинстве обладают не одним «чистым» типом, а *смешанным* (терминально-прагматическим) по топологии и *конфликтным* (позитивно-негативным) по модальности личностного смысла ребенка. Отсюда следует, что один и тот же ребенок обусловливает психологическое благополучие того же самого взрослого вариативными способами и разнонаправленными путями, т. е. какие-то проявления благополучия стимулирует и усиливает, в то время как другие проявления благополучия угнетает и ослабляет.

Принцип деятельностного опосредования личностного смысла ребенка и психологического благополучия взрослого

Важно понимать, что главным фактором психологического благополучия — неблагополучия взрослого является не сам ребенок и даже не его личностный смысл как таковой,

 https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58

а объективная возможность и реальная способность выстраивать индивидуальную жизнедеятельность сообразно этому личностному смыслу. Общая психологическая закономерность заключается в том, что *наибольшего благополучия взрослый достигает тогда, когда объективные условия жизни позволяют ему действовать в отношении ребенка / детей в соответствии с его / их личностным смыслом для него*. Поэтому детерминация психологического благополучия взрослого со стороны ребенка и родительства подчиняется хорошо известной общей закономерности — *принципу деятельностного опосредования* (Асмолов и др. 1979; Леонтьев 1999).

Так, позитивный терминальный смысл ребенка оправдывает себя при условии, что взрослый имеет реальные возможности родить детей, растить и воспитывать их, посвятить им всю свою жизнь, в том числе связать собственную профессиональную карьеру с заботой о детском благе. Когда он сталкивается с непреодолимыми трудностями и ограничениями в рождении, адопции, воспитании и т. д. детей, то позитивный терминальный смысл оборачивается для него фактором психологического неблагополучия (в этом плане весьма показательны результаты исследований психологического неблагополучия инфертильных взрослых, характеризующихся ценностным отношением к детям (Карпинский 2024с).

При негативном терминальном смысле ребенка аналогичная жизненная ситуация — отсутствие детей и невозможность их иметь — служит для взрослого поводом уже не для дистресса, недовольства жизнью и собой, смысложизненного кризиса и прочих проявлений неблагополучия, а, напротив, для счастья и процветания.

Если же, например, ребенок имеет негативный прагматический смысл, то для достижения и сохранения психологического благополучия требуются специальные усилия, направленные на купирование, нейтрализацию или компенсацию преградных воздействий ребенка на удовлетворение потребностей и реализацию ценностей — словом, на процесс и результаты жизнедеятельности взрослого. Обычно такие специальные меры и усилия выражаются в четком структурировании пространства и времени жизни (чтобы изолировать ребенка от ключевых сфер самореализации) и/или в отчуждении части родительских функций и передачи обязанностей другим людям (супругу, родственникам, наемному персоналу, образовательным учреждениям и педагогическим работникам и т. д.).

Изложенное позволяет заключить, что решающим фактором психологического благополучия выступает не столько личностный смысл ребенка per se, сколько объективная возможность и способность взрослого следовать этому смыслу в своей повседневной жизнедеятельности. В этой связи методологическое положение о деятельностном опосредовании смысловых образований личности выступает важным объяснительным принципом в отношении психологических механизмов и закономерностей влияния детей на благополучие взрослых.

Личностный смысл как имплицитное знание и субъективная правда о влиянии ребенка на благополучие взрослого

За каждым эмпирически выделяемым позитивным и негативным смыслом ребенка скрывается определенная функция детей в отношении психологического благополучия — неблагополучия взрослых. Примечательно, что многие личностные смыслы, которые вычерпываются из обыденного сознания испытуемых, отражают те же эффекты детей и родительства, которые обоснованы и подтверждены научно-психологическими исследованиями.

Например, позитивный смысл ребенка в контексте реализации ценностей «общение», «дружба» или «наличие хороших и верных друзей» указывает на то, что дети выполняют коммуникативную и аффилиативную функции в жизни взрослого, а также функцию социальной поддержки. Этот личностный смысл, как и многие другие, в полной мере верифицируется строгими научными данными, в частности, результатами исследований роли коммуникации с детьми и социальной поддержки со стороны детей в обеспечении различных компонентов психологического благополучия взрослых, в особенности, стареющих родителей (осмысленности жизни, удовлетворенности жизнью, социальной вовлеченности и т. д.) (Grundström et al. 2024).

В целом же репертуар эмпирически выявляемых смыслов ребенка по широте явно превосходит число фактически познанных психологической наукой закономерностей взаимосвязи и зависимости благополучия взрослого от детей и родительской роли. Значит ли это, что некоторые из личностных смыслов, которые очевидны для обыденного сознания, но еще надлежащим образом не изучены наукой, являются субъективными иллюзиями взрослых?

На наш взгляд, абсолютно не значит. Личностные смыслы отражают не выдуманные,

воображаемые или кажущиеся, а объективно существующие зависимости взрослого от ребенка. Это не просто знаемые и декларируемые, а функционально-действенные значения, которые действительно управляют познанием, переживанием и поведением взрослых по поводу детей. В повседневной жизни они составляют реальные регулятивы и субъективную правду каждого взрослого, которая в такой науке, как психология, должна приниматься за объективную истину. Когда отдельный взрослый или целая выборка взрослых субъективно переживает и вербализует какой-то содержательно определенный смысл ребенка, то вопрос заключается скорее в том, требуется ли дополнительное удостоверение, верификация этого смысла объективно-отстраненными методами психологического познания. Если взрослые, к примеру, сообщают о преградном (негативном прагматическом) смысле ребенка в отношении ценности «здоровье», то необходимы ли специальные исследования, доказывающие взаимосвязь объективного ухудшения физического и ментального здоровья взрослых с переходом из бездетного состояния в родительский статус?

Здесь также уместно вспомнить о соотношении и путях взаимодействия житейского (имплицитного) и научного (эксплицитного) знания в психологической науке. В этой дихотомии эмпирически зарегистрированные личностные смыслы ребенка, извлекаемые из обыденного сознания взрослого, принадлежат к житейскому, имплицитному знанию, и в этой связи выполняют две важные функции во взаимодействии с научным, эксплицитным знанием. Личностный смысл ребенка для взрослого является, во-первых, эмпирическим критерием истинности предположений и положений психологической науки о влиянии детей на благополучие взрослых; во-вторых, личностные смыслы, которые пока не имеют референтных теорий, концепций и положений в системе научных знаний, служат источниками новых эвристических гипотез для будущих исследований психологов.

Существующие в психологии и смежных науках теории, концепции и модели даже близко не передают того разнообразия функций детей в жизнедеятельности взрослых, которое удается установить при эмпирическом анализе личностного смысла (а точнее — личностных смыслов) ребенка. В то время как научная теория пытается вскрыть механизмы и закономерности влияния детей на благополучие взрослых извне (с объективной и отстраненной точки зрения внешнего наблюдателя), эмпирическое изучение личностного смысла ребенка высвечивает эти механизмы и закономерности изнутри (с субъективной и включенной позиции самого взрослого, претерпевающего данное влияние лично на себе). Поэтому эмпирически выявляемый репертуар личностных смыслов детей для взрослых оказывается шире и богаче любых теоретических построений и объяснений.

Например, в своем метаанализе Дж. Твенге с коллегами предлагают четыре модели, проясняющие возможные механизмы негативного влияния детей и родительской роли на субъективную удовлетворенность браком: модель ролевого конфликта (между родительством и карьерой), модель ограничения свободы, модель сексуальной неудовлетворенности супругов и модель финансовых затрат (Twenge et al. 2003). Если задаться целью верификации этих моделей в русле концепции личностного смысла ребенка, то потребуется оценить его преградный (негативный прагматический) смысл в соотнесении с такими смыслообразующими ценностями взрослых, как «карьера», «свобода», «секс» и «богатство» соответственно. Однако на этих четырех ценностях спектр смыслообразующих побуждений и стремлений взрослых (а значит, и репертуар возможных преградных смыслов ребенка) отнюдь не заканчивается, ввиду чего любой иной эмпирически зафиксированный смысл мог бы стать основой для других объяснительных моделей на уровне теории.

Таким образом, репертуар эмпирически выявляемых личностных смыслов ребенка для взрослого выступает своеобразной «дорожной картой», по которой могут развиваться дальнейшие научно-психологические исследования механизмов и закономерностей влияния детей и родительства на психологическое благополучие взрослых.

Закономерности взаимосвязи личностного смысла ребенка и психологического благополучия взрослого

Личностный смысл ребенка, будучи индикатором его объективного отношения к потребностям, ценностям и иным личностно значимым интенциям взрослого, закономерно выступает эмпирическим коррелятом, предиктором и фактором всевозможных показателей психологического благополучия взрослого.

 https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58

В наших эмпирических исследованиях последних лет различные проявления психологического благополучия взрослого систематически сопрягались с личностным смыслом ребенка для него. Этими исследованиями охвачены разнородные выборки взрослых: *родительские* (люди, родившие и воспитывающие детей), *клинические* (пациенты репродуктологического профиля), *профессиональные* (специалисты профессионального педономического труда — воспитатели, педагоги, педиатры, детские психологи).

Личностный смысл ребенка во всех исследованиях данного цикла диагностировался единообразно: позитивный терминальный смысл — смыслометрическим психобиографическим анализом ребенка либо «Шкалой ценностного отношения к детям»; позитивный и негативный прагматический смысл — смыслометрическим психобиографическим анализом ребенка (Карпинский 2023; 2024d).

Психологическое благополучие — неблагополучие взрослых, воспитывающих детей, оценивалось по диагностическим показателям следующих методик: на глобальном уровне — «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера (SWLS) и «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски (SHS) в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина (Осин, Леонтьев 2020), а также «Краткий опросник смысложизненного кризиса» (ОСЖК-К) (Карпинский 2019); в домене родительства — одиночный баллированный вопрос о родительской удовлетворенности детьми; «Шкала позитивного и негативного аффекта» (ШПАНА) с авторской контекстуализаций для домена родительства (Осин 2012); «Шкала родительского стресса» (PSS) в адаптации А. А. Бочавер и соавторов (Бочавер и др. 2024); «Опросник родительского выгорания» (ОРВ) И. Н. Ефимовой (Ефимова 2013); «Опросник родительского самоотношения» К. В. Карпинского; субшкала «Интернальность в сфере семейных отношений» из опросника «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда (Бажин и др. 1984); «Диагностика переживаний в деятельности» (ДПД) Д. А. Леонтьева с авторской контекстуализацией для домена родительства (Осин, Леонтьев 2017). Психологическое благополучие — неблагополучие взрослых, проходящих лечение от бесплодия, в домене репродукции определялось по показателю переживания кризиса инфертильности (как доменной разновидности смысложизненного кризиса) методики «Шкала совладания с бесплодием» К. В. Карпинского, А. В. Салминой и С. Л. Бойко (Карпинский 2023; Салмина и др. 2024). Психологическое благополучие — неблагополучие работников педономического труда в домене профессиональной деятельности оценивалось на основе показателей следующих методик: «Шкала удовлетворенности карьерой» К. В. Карпинского и Т. В. Гижук (Карпинский, Гижук 2017); «Опросник переживаний в профессиональной деятельности» Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева (Осин, Леонтьев 2017), «Утрехтская шкала увлеченности работой» (UWES) В. Шауфели в адаптации Д. А. Кутузовой (Кутузова 2006).

Корреляции разнотипных личностных смыслов ребенка со всевозможными показателями психологического благополучия — неблагополучия взрослых представлены в сводной таблице.

В представленных результатах корреляционного анализа прочитываются общие закономерности, связывающие личностный смысл ребенка с показателями психологического благополучия — неблагополучия взрослых на глобальном уровне и в различных сферах жизни. Все наблюдаемые корреляции между личностным смыслом и проявлениями психологического благополучия — неблагополучия опосредованы реальными функциями, которые ребенок выполняет в жизнедеятельности взрослого. Личностный смысл выступает психологическим индикатором, а благополучие — неблагополучие — психологическим следствием того объективного влияния, которое ребенок производит на жизнь взрослого. Закономерно, что личностный смысл ребенка коррелирует с проявлениями психологического благополучия — неблагополучия взрослого. Примечательно, что позитивный терминальный и прагматический смыслы ребенка напрямую коррелируют с показателями благополучия и отрицательно коррелируют с показателями неблагополучия взрослого: чем более выражены эти типы смысла, тем выше благополучие взрослого. Прямо противоположным образом с показателями психологического благополучия и неблагополучия коррелирует негативный прагматический смысл ребенка: чем выше выраженность данного смысла, тем менее благополучен взрослый. Выявленные паттерны корреляционных связей подтверждают теоретические представления о функциях детей в жизнедеятельности взрослых, а также о механизмах и закономерностях влияния детей на психологическое благополучие взрослых.

Табл. Корреляции типов личностного смысла ребенка
с показателями психологического благополучия взрослых

Показатели психологического благополучия — неблагополучия	Психологические типы личностного смысла ребенка		
	Позитивный терминальный (ценностный)	Позитивный прагматический (инструментальный)	Негативный прагматический (преградный)
Родительские выборки (люди, воспитывающие малолетних и несовершеннолетних детей)			
Удовлетворенность жизнью (SWLS, N = 903)	0,47***	0,19***	–0,18***
Субъективное счастье (SHS, N = 903)	0,37***	0,20***	–0,19***
Десубъектизация (ОСЖК-К, N = 101)	–0,28**	–0,26*	0,31**
Дезинтеграция (ОСЖК-К, N = 101)	–0,30**	–0,18	0,21*
Смысловая дизрегуляция (ОСЖК-К, N = 101)	–0,45***	–0,23*	0,28**
Смысложизненный кризис (ОСЖК-К, N = 101)	–0,43***	–0,24*	0,29**
Родительская удовлетворенность (N = 903)	0,30***	0,27***	–0,20***
Позитивный родительский аффект (ШПАНА, N = 903)	0,31***	0,23***	–0,07
Негативный родительский аффект (ШПАНА, N = 903)	–0,20***	–0,05	0,22***
Переживание удовольствия (ОПД, N = 450)	0,33***	0,28***	–0,31***
Переживание смысла (ОПД, N = 450)	0,28***	0,24***	–0,23***
Переживание усилия (ОПД, N = 450)	–0,08	–0,01	0,04
Переживание пустоты (ОПД, N = 450)	–0,21**	–0,21**	0,07
Родительский стресс (PSS, N = 279)	–0,17**	–0,25***	0,29***
Родительская удовлетворенность (PSS, N = 279)	0,18**	0,18**	–0,22***
Эмоциональное истощение (ОРВ, N = 90)	–0,44***	–0,35***	0,37***
Деперсонализация (ОРВ, N = 90)	–0,07	–0,15	0,15
Редукция родительских достижений (ОРВ, N = 90)	0,16	0,40***	–0,39***
Родительское самоотношение (N = 142)	0,32***	0,40***	–0,38***
Родительская интернальность (УСК, N = 142)	0,28***	0,30***	–0,29***
Клиническая выборка (пациенты с диагностированным бесплодием, N = 165)			
Кризис инфертильности	0,62***	0,13	–0,09
Профессиональная выборка (специалисты педономического труда, N = 240)			
Удовлетворенность карьерой	0,39***	0,40***	–0,46***
Энергичность	0,30***	0,33***	–0,35***
Энтузиазм	0,18**	0,18**	–0,25***
Поглощенность деятельностью	0,22***	0,22***	–0,27***
Переживание удовольствия	0,31***	0,21***	–0,32***
Переживание смысла	0,23***	0,21***	–0,36***
Переживание усилия	–0,26***	–0,23***	0,31***
Переживание пустоты	–0,29***	–0,24***	0,35***

Примечание: * — $p \le 0,05$, ** — $p \le 0,01$, *** — $p \le 0,001$ при заданном объеме выборки (N).

https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58

Table. Correlations between types of personal meaning of a child and indicators of adult psychological well-being

Indicators of psychological well-being	Types of personal meaning of a child		
	Positive terminal meaning (child as a value)	Positive pragmatic meaning (child as an instrument)	Negative pragmatic meaning (child as a barrier)
Parents (N = 1965)			
Satisfaction with Life (SWLS, N = 903)	0.47***	0.19***	–0.18***
Subjective Happiness (SHS, N = 903)	0.37***	0.20***	–0.19***
Agentlessness (Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, N = 101)	–0.28**	–0.26*	0.31**
Disintegration (Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, N = 101)	–0.30**	–0.18	0.21*
Disregulation (Meaning of Life Crisis Questionnaire, N = 101)	–0.45***	–0.23*	0.28**
Total Meaninglessness (Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, N = 101)	–0.43***	–0.24*	0.29**
Parental satisfaction and pride (with children), (N = 903)	0.30***	0.27***	–0.20***
Positive parental affect (PANAS contextualized, N = 903)	0.31***	0.23***	–0.07
Negative parental affect (PANAS contextualized, N = 903)	–0.20***	–0.05	0.22***
Pleasure (N = 450)	0.33***	0.28***	–0.31***
Meaning (N = 450)	0.28***	0.24***	–0.23***
Effort (N = 450)	–0.08	–0.01	0.04
Emptiness (N = 450)	–0.21**	–0.21**	0.07
Parental stress (PSS, N = 279)	–0.17**	–0.25***	0.29***
Parental satisfaction (PSS, N = 279)	0.18**	0.18**	–0.22***
Emotional exhaustion (Parental Burnout Scale, N = 90)	–0.44***	–0.35***	0.37***
Depersonalization (Parental Burnout Scale, N = 90)	–0.07	–0.15	0.15
Reduction of parental achievements (Parental Burnout Scale, N = 90)	0.16	0.40***	–0.39***
Parental Self-Esteem (N = 142)	0.32***	0.40***	–0.38***
Parental internal LOC (N = 142)	0.28***	0.30***	–0.29***
Infertility patients (N = 165)			
Infertility Crisis	0.62***	0.13	–0.09
Vocational pedonomic sample (N = 240)			
Carrier Satisfaction (Satisfaction with Career Scale)	0.39***	0.40***	–0.46***
Vigor (Utrecht Work Engagement Scale)	0.30***	0.33***	–0.35***
Dedication (Utrecht Work Engagement Scale)	0.18**	0.18**	–0.25***
Exhaustion (Utrecht Work Engagement Scale)	0.22***	0.22***	–0.27***
Pleasure (Experiences in Vocational Activity Questionnaire)	0.31***	0.21***	–0.32***
Meaning (Experiences in Vocational Activity Questionnaire)	0.23***	0.21***	–0.36***
Effort (Experiences in Vocational Activity Questionnaire)	–0.26***	–0.23***	0.31***
Emptiness (Experiences in Vocational Activity Questionnaire)	–0.29***	–0.24***	0.35***

Note: * — $p \le 0{,}05$, ** — $p \le 0{,}01$, *** — $p \le 0{,}001$ for certain sample size (N).

Заключение

В завершение необходимо вновь заострить внимание на том, что в обыденном сознании и в научном знании распространена иллюзия превосходства взрослого над ребенком (по сути, одна из замаскированных форм эйджизма). В повседневности многие взрослые высокомерно полагают, что дети — это односторонне и полностью зависимые от них существа, а в психологической науке серьезно недооценивают важность ребенка в жизни взрослого. В действительности же отношения межличностной зависимости и значимости взрослых и детей носят двусторонний характер, поскольку в контексте психического развития и индивидуальной жизнедеятельности взрослых дети выполняют множество критически важных и полезных функций, в том числе, при условии правильного отношения к ним, становятся агентами и продуцентами психологического благополучия взрослых. Отсюда вытекает важное следствие для практики повседневного общения и обращения взрослых с детьми: взрослый не только вправе ожидать благодарности от ребенка за участие в детской судьбе, но, в свою очередь, обязан быть благодарным за то, что в его жизни есть ребенок.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author declares that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Литература

Асмолов, А. Г., Братусь, Б. С., Зинченко, В. П. и др. (1979) О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности. *Вопросы психологии*, № 3, с. 35–45. EDN: IHSKSF

Бажин, Е. Ф., Голынкина, Е. А., Эткинд, А. М. (1984) Метод исследования уровня субъективного контроля. *Психологический журнал*, т. 5, № 3, с. 152–162.

Бочавер, А. А., Ахмеджанова, Д. Р., Байрамян, Р. М., Поливанова, К. Н. (2024) Шкала родительского стресса: адаптация на русскоязычной выборке матерей школьников. *Социальная психология и общество*, т. 15, № 3, с. 202–221. https://doi.org/10.17759/sps.2024150312

Ефимова, И. Н. (2013) Возможности исследования родительского «выгорания». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, № 4, с. 31–40. EDN: RRTXIZ

Карпинский, К. В. (2016) *Неоптимальный смысл: психологические тупики жизненного пути личности*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 539 с.

Карпинский, К. В. (2019) *Психология смысложизненного кризиса*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 624 с.

Карпинский, К. В. (2023) *Личностный смысл ребенка: что дети значат для взрослых*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 515 с.

Карпинский, К. В. (2024a) Личностный смысл ребенка для взрослого как фактор психологического благополучия. *Современная зарубежная психология*, т. 13, № 4, с. 8–15. https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130401

Карпинский, К. В. (2024b) *Смыслометрический психобиографический анализ*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 211 с.

Карпинский, К. В. (2024c) Личностный смысл ребенка и переживание смысложизненного кризиса в ситуации бесплодия. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, № 2, с. 40–55. EDN: HLXEAL

Карпинский, К. В. (2024d) Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 543–567. https://doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567

Карпинский, К. В., Гижук, Т. В. (2017) *Психология профессиональной успешности*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 169 с.

Кондратьев, М. Ю. (2011) «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости. *Социальная психология и общество*, т. 2, № 2, с. 17–28. EDN: OIZZON

Кроник, А. А., Кроник, Е. А. (1989) *В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений*. М.: Мысль, 204 с.

Кутузова, Д. А. (2006) *Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук*. М., Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, 213 с.

Леонтьев, Д. А. (1999) *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М.: Смысл, 487 с.

Леонтьев, Д. А., Сучков, Д. Д. (2015) Постановка и достижение целей как фактор психологического благополучия. *Психологические исследования*, т. 8, № 44. [Электронный ресурс]. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/300-leontiev44.html (дата обращения 24.12.2024).

Микляева, А. В. (2014) *Психология межвозрастных отношений*. М.: Перо, 159 с.

Осин, Е. Н. (2012) Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, т. 9, № 4, с. 91–110. EDN: QYXAPB

Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2017) Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики. *Организационная психология*, т. 7, № 2, с. 30–51. EDN: ZXOYKD

Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2020) Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 1 (155), с. 117–142. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06

Салмина, А. В., Карпинский, К. В., Бойко, С. Л. (2024) Разработка и апробация психодиагностической методики «Шкала совладания с бесплодием». *Репродуктивное здоровье. Восточная Европа*, т. 14, № 3, с. 338–346. https://doi.org/10.34883/pi.2024.14.3.004

Blyth, D. A., Hill, J. P., Thiel, K. S. (1982) Early adolescents' significant others: Grade and gender differences in perceived relationships with familial and nonfamilial adults and young people. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 11, no. 6, pp. 425–450. https://doi.org/10.1007/bf01538805

Buhl, H. M. (2009) My mother: My best friend? Adults' relationships with significant others across the lifespan. *Journal of Adult Development*, vol. 16, no. 4, pp. 239–249. https://doi.org/10.1007/s10804-009-9070-2

Deci, E. L., Ryan, R. M. (2000) The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, vol. 11, no. 4, pp. 227–268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01

Diener, E., Oishi, S., Tay, L. (2018) Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*, vol. 2, no. 4, pp. 253–260. https://doi.org/10.1038/s41562-018-0307-6

Fujita, F., Diener, E. (2005) Life satisfaction set point: Stability and change. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 88, no. 1, pp. 158–164. https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.158

Garbarino, J., Burston, N., Raber, S. et al. (1978) The social maps of children approaching adolescence: Studying the ecology of youth development. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 7, no. 4, pp. 417–428. https://doi.org/10.1007/bf01537809

Green, S., Nixon, E. (2020) *Children as agents in their worlds: A psychological-relational perspective*. London: Routledge Publ., 256 p. https://doi.org/10.4324/9781315625911

Grundström, J., Kiviruusu, O., Konttinen, H., Berg, N. (2024) Reciprocal associations between parenthood and mental well-being — a prospective analysis from age 16 to 52 years. *Current Psychology*, vol. 43, no. 3, pp. 2238–2252. https://doi.org/10.1007/s12144-023-04487-3

Gupta, K. (2022) Parental well-being: Another dimension of adult well-being. *The Family Journal*, vol. 31, no. 1, pp. 69–77. https://doi.org/10.1177/10664807221090948

Headey, B. W., Wearing, A. J. (1989) Personality, life events, and subjective well-being: Toward a dynamic equilibrium model. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 57, no. 4, pp. 731–739. https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.4.731

Huppert, F. A., So, T. T. C. (2013) Flourishing across Europe: Application of a new conceptual framework for defining well-being. *Social Indicators Research*, vol. 110, no. 3, pp. 837–861. https://doi.org/10.1007/s11205-011-9966-7

Iasiello, M., Ali, K., van Agteren, J. et al. (2024) What's the difference between measures of wellbeing, quality of life, resilience, and coping? An umbrella review and concept map of 155 measures of positive mental health. *International Journal of Wellbeing*, vol. 14, no. 2, pp. 3621–3645. https://doi.org/10.5502/ijw.v14i2.3621

Klug, H. J. P., Maier, G. W. (2015) Linking goal progress and subjective well-being: A meta-analysis. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, vol. 16, no. 1, pp. 37–65. https://doi.org/10.1007/s10902-013-9493-0

Lerner, R. M. (1982) Children and adolescents as producers of their own development. *Developmental Review*, vol. 2, no. 4, pp. 342–370. https://doi.org/10.1016/0273-2297(82)90018-1

Levison, D., Maynes, M. J., Vavrus, F. (eds.). (2021) *Children and youth as subjects, objects, agents: Innovative approaches to research across space and time*. Cham: Palgrave Macmillan Publ., 277 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-63632-6

McLanahan, S., Adams, J. (1989) The effects of children on adults' psychological well-being: 1957–1976. *Social Forces*, vol. 68, no. 1, pp. 124–146. https://doi.org/10.2307/2579223

Nelson, S. K., Kushlev, K., Lyubomirsky, S. (2014) The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 3, pp. 846–895. https://doi.org/10.1037/a0035444

Nelson-Coffey, S. K., Stewart, D. (2019) Well-being in parenting. In: M. H. Bornstein (ed.). *Handbook of parenting. Vol. 3. Being and becoming a parent*. 3rd ed. New York: Routledge Publ., pp. 596–619. https://doi.org/10.4324/9780429433214-17

Ng, J. Y. Y., Ntoumanis, N., Thøgersen-Ntoumani, C. et al. (2012) Self-determination theory applied to health contexts: A meta-analysis. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 7, no. 4, pp. 325–340. https://doi.org/10.1177/1745691612447309

Nomaguchi, K., Milkie, M. A. (2020) Parenthood and well-being: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, vol. 82, no. 1, pp. 198–223. https://doi.org/10.1111/jomf.12646

Twenge, J. M., Campbell, W. K., Foster, C. A. (2003) Parenthood and marital satisfaction: A meta-analytic review. *Journal of Marriage and Family*, vol. 65, no. 3, pp. 574–583. https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x

Umberson, D., Pudrovska, T., Reczek, C. (2010) Parenthood, childlessness, and well-being: A life course perspective. *Journal of Marriage and Family*, vol. 72, no. 3, pp. 612–629. https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00721.x

References

Asmolov, A. G., Bratus, B. S., Zinchenko, V. P. et al. (1979) O nekotorykh perspektivakh issledovanij smyslovykh obrazovanij lichnosti [On the perspectives in research of meaning structures of personality]. *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 35–45. (In Russian)

Bazhin, E. F., Golynkina, E. A., Etkind, A. M. (1984) Metod issledovaniya urovnya sub'ektivnogo kontrolya [The method for subjective control study]. *Psikhologicheskij zhurnal*, vol. 5, no. 3, pp. 152–162. (In Russian)

Blyth, D. A., Hill, J. P., Thiel, K. S. (1982) Early adolescents' significant others: Grade and gender differences in perceived relationships with familial and nonfamilial adults and young people. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 11, no. 6, pp. 425–450. https://doi.org/10.1007/bf01538805 (In English)

Bochaver, A. A., Akhmedjanova, D. R., Bayramyan, R. M., Polivanova, K. N. (2024) Shkala roditel'skogo stressa: adaptatsiya na russkoyazychnoj vyborke materej shkol'nikov [Parental stress scale: Adaptation on the Russian-speaking sample of schoolchildren's mother]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 15, no. 3, pp. 202–221. https://doi.org/10.17759/sps.2024150312 (In Russian)

Buhl, H. M. (2009) My mother: My best friend? Adults' relationships with significant others across the lifespan. *Journal of Adult Development*, vol. 16, no. 4, pp. 239–249. https://doi.org/10.1007/s10804-009-9070-2 (In English)

Deci, E. L., Ryan, R. M. (2000) The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, vol. 11, no. 4, pp. 227–268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01 (In English)

Diener, E., Oishi, S., Tay, L. (2018) Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*, vol. 2, no. 4, pp. 253–260. https://doi.org/10.1038/s41562-018-0307-6 (In English)

Efimova, I. N. (2013) Vozmozhnosti issledovaniya roditel'skogo "vygoraniya" [Potentials of studying the parent's "burnout" syndrome]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki — Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, no. 4, pp. 31–40. (In Russian)

Fujita, F., Diener, E. (2005) Life satisfaction set point: Stability and change. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 88, no. 1, pp. 158–164. https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.158 (In English)

Garbarino, J., Burston, N., Raber, S. et al. (1978) The social maps of children approaching adolescence: Studying the ecology of youth development. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 7, no. 4, pp. 417–428. https://doi.org/10.1007/bf01537809 (In English)

Green, S., Nixon, E. (2020) *Children as agents in their worlds: A psychological-relational perspective*. London: Routledge Publ., 256 p. https://doi.org/10.4324/9781315625911 (In English)

Grundström, J., Kiviruusu, O., Konttinen, H., Berg, N. (2024) Reciprocal associations between parenthood and mental well-being — a prospective analysis from age 16 to 52 years. *Current Psychology*, vol. 43, no. 3, pp. 2238–2252. https://doi.org/10.1007/s12144-023-04487-3 (In English)

Gupta, K. (2022) Parental well-being: Another dimension of adult well-being. *The Family Journal*, vol. 31, no. 1, pp. 69–77. https://doi.org/10.1177/10664807221090948 (In English)

Headey, B. W., Wearing, A. J. (1989) Personality, life events, and subjective well-being: Toward a dynamic equilibrium model. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 57, no. 4, pp. 731–739. https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.4.731 (In English)

Huppert, F. A., So, T. T. C. (2013) Flourishing across Europe: Application of a new conceptual framework for defining well-being. *Social Indicators Research*, vol. 110, no. 3, pp. 837–861. https://doi.org/10.1007/s11205-011-9966-7 (In English)

Iasiello, M., Ali, K., van Agteren, J. et al. (2024) What's the difference between measures of wellbeing, quality of life, resilience, and coping? An umbrella review and concept map of 155 measures of positive mental health.

International Journal of Wellbeing, vol. 14, no. 2, pp. 3621–3645. https://doi.org/10.5502/ijw.v14i2.3621 (In English)

Karpinski, K. V. (2016) *Neoptimal'nyj smysl: psikhologicheskie tupiki zhiznennogo puti lichnosti [Nonoptimal meaning: Psychological deadlocks on the life path]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 539 p. (In Russian)

Karpinski, K. V. (2019) *Psikhologiya smyslozhiznennogo krizisa [Psychology of life-purpose crisis]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 624 p. (In Russian)

Karpinski, K. V. (2023) *Lichnostnyj smysl rebenka: chto deti znachat dlia vzroslykh [Personal meaning of a child: What children mean for adults]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 515 p. (In Russian)

Karpinski, K. V. (2024a) Lichnostnyj smysl rebenka dlya vzroslogo kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya [Personal meaning of a child for an adult as a factor of psychological well-being]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 13, no. 4, pp. 8–15. https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130401 (In Russian)

Karpinski, K. V. (2024b) *Smyslometricheskij psikhobiograficheskij analiz [Meaningmetric psychobiographical analysis]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 211 p. (In Russian)

Karpinski, K. V. (2024bc) Lichnostnij smysl rebenka i perezhivanie smyslozhiznennogo krizisa v situatsii besplodiya [Personal meaning of a child and experience of a meaning of life crisis in a situation of infertility]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki — Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, no. 2, pp. 40–55. (In Russian)

Karpinski, K. V. (2024d) Shkala tsennostnogo otnosheniya k detyam: razrabotka, validizatsiya, standartizatsiya [The value of children scale: Development, validation, standardization]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 543–567. https://doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567 (In Russian)

Karpinski, K. V., Gizhuk, T. V. (2017) *Psikhologiya professional'noj uspeshnosti [Psychology of professional success]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 169 p. (In Russian)

Klug, H. J. P., Maier, G. W. (2015) Linking goal progress and subjective well-being: A meta-analysis. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, vol. 16, no. 1, pp. 37–65. https://doi.org/10.1007/s10902-013-9493-0 (In English)

Kondratyev, M. Yu. (2011) "Znachimyj drugoj": slagaemye mezhlichnostnoj znachimosti ["Significant other": Components of interpersonal significance]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 2, no. 2, pp. 17–28. (In Russian)

Kronik, A. A., Kronik, E. A. (1989) *V glavnykh rolyakh: Vy, My, On, Ty, Ya: Psikhologiya znachimykh otnoshenij [In the main roles: You, We, He, You, Me: Psychology of significant relations]*. Moscow: Mysl' Publ., 204 p. (In Russian)

Kutuzova, D. A. (2006) *Organizatsiya deyatel'nosti i stil' samoregulyatsii kak faktory professional'nogo vygoraniya pedagoga-psikhologa [Organization of activity and style of self-regulation as factors of professional burnout of a teacher-psychologist]. PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Sholokhov Moscow State University for Humanities, 213 p. (In Russian)

Leontiev, D. A. (1999) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj realnosti [Psychology of meaning: Nature, structure and dynamics of meaningful reality]*. Moscow: Smysl Publ., 487 p. (In Russian)

Leontiev, D. A., Suchkov, D. D. (2015) Postanovka i dostizhenie tselej kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya [Setting and achieving goals as a factor of psychological well-being]. *Psikhologicheskie issledovaniya — Psychological Studies*, vol. 8, no. 44. [Online]. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/300-leontiev44.html (accessed 24.12.2024). (In Russian)

Lerner, R. M. (1982) Children and adolescents as producers of their own development. *Developmental Review*, vol. 2, no. 4, pp. 342–370. https://doi.org/10.1016/0273-2297(82)90018-1 (In English)

Levison, D., Maynes, M. J., Vavrus, F. (eds.). (2021) *Children and youth as subjects, objects, agents: Innovative approaches to research across space and time*. Cham: Palgrave Macmillan Publ., 277 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-63632-6 (In English)

McLanahan, S., Adams, J. (1989) The effects of children on adults' psychological well-being: 1957–1976. *Social Forces*, vol. 68, no. 1, pp. 124–146. https://doi.org/10.2307/2579223 (In English)

Miklyaeva, A. V. (2014) *Psikhologiya mezhvozrastnykh otnoshenij [Psychology of age-graded relations]*. Moscow: Pero Publ., 159 p. (In Russian)

Nelson, S. K., Kushlev, K., Lyubomirsky, S. (2014) The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 3, pp. 846–895. https://doi.org/10.1037/a0035444 (In English)

Nelson-Coffey, S. K., Stewart, D. (2019) Well-being in parenting. In: M. H. Bornstein (ed.). *Handbook of parenting. Vol. 3. Being and becoming a parent*. 3rd ed. New York: Routledge Publ., pp. 596–619. https://doi.org/10.4324/9780429433214-17 (In English)

Ng, J. Y. Y., Ntoumanis, N., Thøgersen-Ntoumani, C. et al. (2012) Self-determination theory applied to health contexts: A meta-analysis. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 7, no. 4, pp. 325–340. https://doi.org/10.1177/1745691612447309 (In English)

Nomaguchi, K., Milkie, M. A. (2020) Parenthood and well-being: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, vol. 82, no. 1, pp. 198–223. https://doi.org/10.1111/jomf.12646 (In English)

Osin, E. N. (2012) Izmerenie pozitivnykh i negativnykh emotsij: razrabotka russkoyazychnogo analoga metodiki PANAS [Measuring positive and negative affect: Development of a Russian-language analogue of PANAS]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki — Psychology. Journal of Higher School of Economics*, vol. 9, no. 4, pp. 91–110. (In Russian)

Osin, E. N., Leontiev, D. A. (2017) Diagnostika perezhivanij v professional'noj deyatel'nosti: validizatsiya metodiki [Assessment of subjective experiences at work: Validation of an instrument]. *Organizatsionnaya psikhologiya — Organizational Psychology*, vol. 7, no. 2, pp. 30–51. (In Russian)

Osin, E. N., Leontiev, D. A. (2020) Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyj analiz [Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparitive analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1 (155), pp. 117–142. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06 (In Russian)

Salmina, A. V., Karpinsky, K. V., Bojko, S. L. (2024) Razrabotka i aprobatsiya psikhodiagnosticheskoj metodiki "Shkala sovladaniya s besplodiem" [Development and testing of the psychodiagnostic method "Scale of coping with infertility"]. *Reproduktivnoe zdorov'e. Vostochnaya Evropa — Reproductive Health. Eastern Europe*, vol. 14, no. 3, pp. 338–346. https://doi.org/10.34883/pi.2024.14.3.004 (In Russian)

Twenge, J. M., Campbell, W. K., Foster, C. A. (2003) Parenthood and marital satisfaction: A meta-analytic review. *Journal of Marriage and Family*, vol. 65, no. 3, pp. 574–583. https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x (In English)

Umberson, D., Pudrovska, T., Reczek, C. (2010) Parenthood, childlessness, and well-being: A life course perspective. *Journal of Marriage and Family*, vol. 72, no. 3, pp. 612–629. https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00721.x (In English)

Сведения об авторе

Константин Викторович Карпинский, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, профессор кафедры психологии, Мамун университет
SPIN-код: 4973-1322, Scopus AuthorID: 266590072100, ORCID: 0000-0002-1820-4007, e-mail: karpkostia@gmail.com

Author

Konstantin V. Karpinski, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Experimental and Applied Psychology Chair, Yanka Kupala State University of Grodno, Professor of the Psychology Chair, Mamun University
SPIN: 4973-1322, Scopus AuthorID: 266590072100, ORCID: 0000-0002-1820-4007, e-mail: karpkostia@gmail.com